

ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

КЕНТАВР

Проблема центризма в России

Верховенство права в государстве

Югославский кризис: истоки и следствия

Документы политических партий
и движений России

Л. Д. Троцкий в третьей эмиграции

Последняя весна Ленина

Воспоминание жены Г. В. Плеханова

Российский меценат Евфимия Носова

СЕНТЯБРЬ —
ОКТЯБРЬ

1992

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ Р. М. ПЛЕХАНОВОЙ

Писано в 1925 г.

в первый свой приезд на Родину*

В августе 1928 г. наследники Г. В. Плеханова (1856—1918) — его вдова Р. М. Плеханова (1856—1949), дочери Л. Г. Ле-Савуре-Плеханова (1881—1978) и Е. Г. Бато-Плеханова (1883—1968) передали в дар Советскому Союзу его архив и личную библиотеку. Согласно воле самого Георгия Валентиновича библиотека и архив должны были храниться в Публичной библиотеке. Ее правление, приняв условия пожертвователей, выделило средства на строительство в этих целях специального помещения. Так в состав Государственной публичной библиотеки (ныне Российская Национальная библиотека) вошел в качестве сектора Дом Плеханова, организации и деятельности которого Р. М. Плеханова посвятила последние 20 лет своей жизни.

Необходимо отметить, что решение о передаче архива и библиотеки Плеханова было принято в семье после долгих и мучительных колебаний. Сразу после смерти Георгия Валентиновича, последовавшей 30 мая 1918 г., Советское правительство обратилось к Плехановым с просьбой о таком пожертвовании, которая не встретила отклика. В 1922 г. с целью добиться согласия на передачу архива в Париж, где жили родные Плеханова, был командирован Л. Г. Дейч (1855—1941), один из основателей группы «Освобождение труда», близкий друг семьи Плехановых. Однако и на этот раз был получен отказ.

Оснований для такого ответа было более чем достаточно. Но главная причина состояла в том, что официальные власти нашей страны, решая текущие политические задачи, постоянно, устно и печатно клеймили Плеханова за якобы «отступничество от марксизма», за его позицию по отношению к первой мировой войне, к установлению «диктатуры пролетариата».

Только в период зэпа возобновляется издание произведений многих недавних «врагов» Советской власти, в том числе Плеханова. В 1923 г. начинают публиковаться параллельно тремя тиражами Сочинения Г. В. Плеханова в 27-ми томах. За три года успели издать лишь 24 тома. Затем, в связи со складывавшейся в России ситуацией, издание было прекращено.

Летом 1924 г. Р. М. Плеханова приезжает на Родину для решения издательских вопросов, предполагая задержаться здесь надолго.

* Название дано автором статьи. — Ред.

В ее архиве сохранился «План воспоминаний о поездке и пребывании в России за время от июня 1924 г. до весны 1925 г.» (Российская Национальная библиотека. Архив Дома Плеханова, ф. 1094, оп. 1, д. 42). Будь эти воспоминания написаны, они могли бы стать одним из ценных свидетельств эпохи. Розалия Марковна посетила Ленинград и Царское Село, переименованное к этому времени в г. Пушкин (Плехановы жили там с апреля по октябрь 1917 г.), Москву, село Михайловское. Вероятно, все увиденное произвело на нее глубокое впечатление: Россия 1924—1925 гг. отличалась от той, которую она была вынуждена покинуть 6 лет назад по семейным обстоятельствам. И сравнения эти были не в пользу новой России. Розалия Марковна отметила запущенное состояние улиц, городов, настроение безысходности и угнетенности, овладевшее многими людьми, собиравшаяся написать о положении крестьян. Более всего, конечно, изумило ее отношение властей к людям вообще и к каждому человеку в отдельности, насильственное отторжение интеллигенции от общества, непонимание властями того, что именно ее утрата приведет страну к катастрофе.

Р. М. Плеханова встретила с членами ленинградской и московской групп «Единство», образованными весной 1917 г. (часть членов Петроградской группы вошла затем в «Комитет по увековечению памяти Г. В. Плеханова»). Состоялись ее встречи с Н. А. Семашко (племянником Плеханова, сыном его сводной сестры Марии Валентиновны), в то время наркомом здравоохранения, с М. И. Калининым. Темой разговора с последним стал, в частности, вопрос о тяжелом положении студенчества, чистках в университетах. Судя по записи в «Плане», Калинин обещал помочь. Вторая тема — Соловецкие острова. Вдова Плеханова хлопотала о политзаключенных и ссыльных...

Сохранилась относящаяся к тому же времени запись, которая дает ответ на вопрос, в чем главная причина, побудившая Розалию Марковну перевезти архив Плеханова в СССР и вернуться домой, — это сознание необходимости помочь Родине, понимание личной ответственности за судьбу России. «Наблюдая жизнь на Родине, — писала она, — я все больше и больше убеждаюсь, что Г. В. Плеханов был прав, тысячу раз прав, убеждая и проповедуя, что диктатура пролетариата была преждевременна для России, что пролетариат еще недостаточно сознательный в своей массе для этого переворота, что социальный переворот при еще слаборазвитых экономических отношениях отодвинет русский народ назад...

Эти наблюдения утверждают меня также в моем давнишнем убеждении, что мы все должны объединиться вокруг руководителей судьбами дорогой нам Родины и употребить все наши силы на помощь русскому народу выйти из тяжелого положения, в которое его поставили его собственные ошибки...» (РНБ. АДП, ф. 1094, оп. 1, д. 46, л. 1).

«Критические заметки» публикуются по авторизованной рукописи, написанной рукой неустановленного лица. Текст печатается в соответствии с нормами современного русского языка. В квадратных скобках обозначены пропуски слов, а также исправления, сделанные автором в рукописи, что оговорено в подстрочных примечаниях. Текст рукописи, вступительная статья и примечания подготовлены заведующей Домом Плеханова кандидатом историч. наук Т. И. Филимоновой.

* * *

За шесть месяцев пребывания на родине я изучаю, насколько позволяют мне мои физические силы и имеющиеся в моем распоряжении возможности, жизнь во всех ее проявлениях. Я прислушиваюсь и присматриваюсь к жизни рабочих и крестьян, к жизни многогосударственной интеллигенции. Употребляя эпитет «многогосударственная» [применительно] к интеллигенции, я не хочу этим сказать, что рабочим и крестьянам живется лучше в Советской России, чем интеллигенции. Много выпало и на их долю бедности, даже нищеты, борьбы и страданий. Но при всем том в жизни этих трех слоев русского народа имеется большая разница морального характера. Эта разница вытекает из недоверия к трудовой интеллигенции (другой интеллигенции теперь в России нет) со стороны Советского правительства с одной стороны, и выдвинутых жизнью лучших элементов из рабочих масс и крестьянства — с другой. Это недоверие, которое мне приходилось наблюдать, ведет к неисчислимым страданиям его жертв. Тут кроется глубокая несправедливость к интеллигенции. Читатель понимает, что я подразумеваю интеллигенцию беспартийную. Она, как мне пришлось много раз убедиться на деле, искренно посвятила себя работе по строительству новой жизни. Я видела учительниц и учителей, которые из последних своих грошей, при грошом жалованье, дающем им возможность не жить, а медленно умирать с голоду, урывают часть, чтоб улучшить питание и одежду вверенных им ребят пролетариата. Я знаю врачей, в особенности женщин, которые самоотвержением, напоминающим лучшие душевные порывы нашей интеллигенции 70-х годов, отдаются своему делу лечения и ухода за пролетарскими детьми, терпя голод и всякого рода лишения и, что хуже всего, оскорбительное непонимание их подвига со стороны тех, сочувствие которых было бы для них самым лучшим вознаграждением.

Это печальное явление, эту суровость в отношении к той части интеллигенции, которая всеми силами готова работать и слиться с интересами страны, я объясняю ложными и вредными пережитками первых лет после Октябрьской революции.

Октябрьский переворот, застигший трудовую интеллигенцию врасплох, казался ей делом небольшой кучки людей, опиравшейся на нежелание солдат воевать и на бессознательность измученной крестьянской массы. Разгон Учредительного собрания казался трудовой интеллигенции большим преступлением против прав и свободы народа. С риском лишиться огня и воды, испытать на себе весь ужас террора она отказалась встать на сторону «захватчиков власти» и решилась противопоставить этим последним стойкий отпор. Этот отпор надо было сломать. Протестующую интеллигенцию надо было для успеха революции, с точки зрения стоявших во главе переворота, дискредитировать в глазах народа. Отсюда вытекают разные неблагоприятные прозвища для интеллигенции: саботажники, контрреволюционеры, белогвардейцы и т. д.

Я помню, как скоро после переворота, в начале ноября, к Плеханову являлась волнуемая молодежь с просьбой разрешить ее тягостное сомнение: работать или не работать с большевиками¹. Плеханов и я советовали отчески этой молодежи не оставлять своих постов, объясняя им, что этими поступ-

ками они еще больше отягчат положение страны и русского народа.

Стачечная волна со стороны трудовой интеллигенции скоро пошла на убыль, но клеймо, которое было на нее наложено, отчасти осталось до этих пор.

Казалось, что этому отношению должен теперь, [через] 7 лет после революции, наступить конец. Мне думается, что с точки зрения тактической, то есть точки зрения привлечения интеллигенции на сторону Советской власти и Коммунистической партии, поскольку они занимаются строительством новой трудовой России, вышеизложенное отношение решительно вредно. Нет большего морального тормоза для людей, желающих работать и отдать свои силы общественной деятельности, [чем] атмосфера недоверия и непонимания.

Советская власть, руководящая судьбами нашей страны, грозит оттолкнуть от себя лучшее, что есть из остатков прежней интеллигенции, без которой она еще обойтись не может, даже больше — которая ей необходима для того, чтобы из недр пролетариата и крестьянства вывить интеллигенцию будущего. Что было необходимо, быть может, с точки зрения непосредственных интересов Октябрьского переворота, теперь, когда начинается положительное строительство, по-моему, глубоко вредно, как вредны всякие пережитки религиозного и другого характера.

К сожалению, эти последние, вредящие теперешней России, встречаются на каждом шагу. Оставим поистине трагическую судьбу интеллигенции и перейдем к тем ненужным и, по-моему, глубоко вредным для интересов пролетариата и крестьянства выпадам, которые сплошь и рядом проявляются в печати и в речах по отношению к людям, имевшим и имеющим великие заслуги перед всемирным пролетариатом вообще и нашей страной в частности. Здесь я хочу сказать о тех нападках в печати и в речах на вожakov нашего революционного движения и на ту великую организацию, которая имела в своих рядах Энгельса, Либкнехта, Бебеля, Гада, Жореса, Каутского, Плеханова, Аксельрода, Ленина и другие славные имена. Я говорю о Втором Интернационале. Печальная привычка нападать на самых выдающихся представителей этой великой международной организации является опять-таки, по-моему, пережитком, предрассудком, вредно отражающимся на деле строительства новой России. Это крупная тактическая ошибка со стороны советских властей и Коммунистической партии. Повторяю, эта тактика, может быть, с точки зрения Октябрьского переворота имела смысл в критический момент, когда оппозиция недопустима. Но теперь она ошибочна и вредна.

Второй Интернационал оказал неисчислимые услуги русскому народу. Если последний и Советское правительство оказались победителями в гражданской войне и борьбе с иностранной интервенцией, то этим он обязан в значительной степени глубоко-му сочувствию русскому народу в его освободительной борьбе с врагами со стороны европейского и американского пролетариата. А кто руководил этим пролетариатом? Второй Интернационал. Последний, собравший свои разрозненные силы после братоубийственной войны на Вернскую конференцию в январе 1919 г.², высказался решительно против иностранной интервенции в дела русского народа. Под влиянием Второго Интернационала опять-таки английский пролетариат не пропускал оружие,

которое было предназначено иностранным правительствам для борьбы с русской революцией. Везде и повсюду, где выступал Второй Интернационал, как на всемирном Гамбургском Конгрессе³, так и на конгрессах национальных, он высказывался против интервенции, прививая пролетариату всего мира ту идею, что русский пролетариат — его братья, что нужно всячески помешать буржуазии всего мира раздавить его в его борьбе с капитализмом.

В вопросе о кредитах во время голода и в последнее время Второй Интернационал опять-таки высказывался в пользу помощи последней, и если переговоры не кончились пока ничем, то в этом виновата до известной степени Советская Россия, которая не принимала во внимание трудности, встречаемые рабочими правительствами в буржуазных странах, и своими нападениями на эти правительства отягчала еще больше их тяжелое положение.

В вопросе о признании Европой и Америкой Советского правительства Второй Интернационал и представители его всегда стояли и стоят на стороне последнего.

Но как же реагирует Россия и вообще Союз Советских республик на вышеприведенные неисчислимые услуги со стороны социал-демократии всего мира? Ни Россия, ни Союз Советских республик не только не признают этих услуг, а всячески оскорбляют и поносят своих товарищей из другого социалистического лагеря. В этих поношениях и оскорблениях, к сожалению, общественные деятели нашей республики доходят иногда до чудовищных размеров. Возьмем пример.

Кто не знает тяжких обвинений против Карла Каутского, одного из лучших теоретиков марксизма в Интернационале, автора Эрфуртской программы и книги «О строительстве нового общества на другой день после социальной революции», книги, которая послужила *Vademecum*^{*} вождям Коммунистической партии на другой день после Октябрьского переворота.

До [сих] пор Карла Каутского третируют его ученики самым неподобающим образом. Еще совсем недавно мне приходилось с тяжелым чувством выслушивать на собраниях и в литературе недельные эпитеты вроде: «изменник», «отступник» и т. д., а между тем, насколько мне известно, Институт Карла Маркса приступает к изданию полного собрания его сочинений. Этот шаг надо от всей души приветствовать, так как великому теоретику многим обязано и русское и всемирное социалистическое движение. Как тяжело отзываются на Каутском и его близких выпады не помнящих родства русских граждан, покажет читателям небольшая выдержка из письма Луизы Каутской^{**} ко мне, письма, полученного мною [в] эти дни.

Состоя в переписке с Луизой Каутской по поводу обмена письмами Каутского и Плеханова, я между прочим написала ей, что в Ленинграде при Вольно-экономическом об-ве⁴, которое носит ныне название библиотеки имени В. И. Ленина, устраиваются кабинеты Карла Маркса, Энгельса, Плеханова и ее мужа Карла Каутского. По просьбе устроительницы этих кабинетов тов. Никифоровой, я написала Луизе Каутской о желании устроителей иметь кое-какие предметы для украшения комнаты Каутского, как-то: фотографии, факсимиле, некоторые фотографи-

* Руководством (лат.). — Ред.

** Жена К. Каутского. — Ред.

ческие снимки с писем, статей и т. д. Вот что мне отвечает по этому поводу Луиза Каутская: «Мой муж с большим сожалением видит для себя невозможность удовлетворить Ваши хлопоты. Мы не желаем Вас огорчить приведением всех тех мотивов, которыми вызывается наш отказ, но будьте уверены, что только тяжелый опыт заставляет нас поступать таким образом.

Если бы Ваш благородный муж (*noble mari*), письма которого, полные эрудиции, прекрасные, трогательные по форме, я только что прочитала в глубоком волнении, был бы жив, он больше, чем кто-либо, понял бы моего мужа. Что в особенности оскорбило моего мужа — это бестактная оценка в России письма с выражением сочувствия, написанного по поводу смерти Ленина, письма, которое просили у него и которое он послал с доверием и движимый искренним желанием выразить свое сочувствие России в ее тяжелой утрате.

Я не желаю здесь сделать Вам каких-нибудь упреков — это было бы неуместно по отношению к Вам, которую мы считаем одним из лучших наших друзей, так как Вы совершенно ни при чем в этих неприличиях, и которой, наверное, все эти манеры неизвестны. Не обижайтесь на нас и верьте чувствам симпатии и дружбы с нашей стороны в отношении к Вам»⁵.

Неужели граждане Советской республики еще такие дети, что требуют, чтоб их только гладили по головке, и не допускают никакой критики даже со стороны старых и признанных учителей пролетариата?

Перейдем к нападкам на Георгия Валентиновича Плеханова, основоположника марксизма в России, открывшего, можно сказать, русский пролетариат и указавшего на его великое будущее тогда, когда он всем русским революционерам, за малым исключением, казался ничтожным фактором, малозначачим для судеб будущей России. Лишнее здесь говорить о заслугах Г. В. Плеханова перед своей страной и всемирным пролетариатом. Это аксиома, против которой никто не спорит.

Не буду также останавливаться на той полемике, которая велась между Плехановым и вождями циммервальдизма⁶ и Коммунистической партии в период между 1914 и 1918 гг. Это был период острой борьбы. Плеханов также не щадил своих противников, Плеханов, даже мертвый, был страшен и первые годы после Октябрьской революции. Его имя было лозунгом разума против преждевременной диктатуры пролетариата и всех тех неисчислимых бедствий, которые явились результатом [ее]. Но факты эти были объясняемы с точки зрения непосредственных интересов авторов Октябрьского переворота. В имени Плеханова они видели лозунг, вокруг которого может объединиться оппозиция. Но теперь, в самый разгар строительства новой России, когда вокруг интересов этой последней надо было бы объединить всех тех, которые готовы отдать жизнь на ее благо, нападки на Плеханова, имя которого свято и дорого лучшей части интеллигенции и рабочих, являются вредным пережитком.

По странной aberrации ума и нравственного чутья многих из вожаков Советской России для подчеркивания великих достоинств Владимира Ильича Ленина необходимо умалять [заслуги] Георгия Валентиновича Плеханова.

Тяжело и грустно видеть и слышать, как часто, устно и в периодической литературе, советской печати треплется это дорогое нам всем имя. По-моему, этому нужно положить конец; не

потому я думаю это, что имя и память Г. В. Плеханова мне дороже, чем кому бы то ни было из русских людей, хотя и скрою, что бестактность, проявленная к нему, вынуждает меня покинуть родину раньше, чем я этого хотела и находила нужным. Я думаю, что нападки, пристрастность, боязнь даже уснувшего навеки Плеханова являются продуктом глубоко ошибочной фракционной тактики, против которой боролся в свое время как Георгий Валентинович, так и Владимир Ильич. Я глубоко убеждена в том, что последний, который хотя и не щадил своих врагов и умел наносить удары, не уступавшие в силе тем, которые наносил Георгий Валентинович, и отличались [они] иногда большою колючестью, но, насколько мне известно, он вел себя рыцарем в отношении к павшим врагам. Так поступал и Плеханов. Несмотря на всю свою полемическую страстность, он имел врага [только] перед глазами или [когда] знал его живым и сильным; [однако] он вел себя рыцарски и благородно в отношении к павшим или ушедшим из этого мира юдоли и печали. Пусть кто-нибудь найдет мне место в литературных трудах или устных выступлениях Плеханова, где бы он нападал на умерших Н. К. Михайловского, П. Л. Лаврова и многих других, в борьбе с которыми он сломал не одну шпагу. Такими должны быть действительные и благородные борцы. К сожалению, я должна сказать, что этот героический период нашей общественной жизни прошел, и на место крупных людей выступили люди второй и третьей величины со всей их злобой, завистливостью и злопамятством.

В самом деле, чем иначе объяснить, как не мелочностью и злопамятством, бестактную выходку и клевету, которую себе позволил гр-н Бухарин? В статье, напечатанной в «Ленинградской правде» 22 января, посвященной памяти Ленина в годовщину его смерти, он выражается следующим совершенно невероятным образом: /.../* На это я могу ответить вот что: гр-н Бухарин никакого представления не имеет о нравственной личности Плеханова. Я не буду касаться такого выражения, как «театральный поворот головы». Все те, которые действительно знали Плеханова, знают, сколько злословия в этих словах. Что касается «пафоса на расстоянии километра», то скажу только, что гр-н Бухарин должен пенять на себя, если Плеханов не допустил его ближе к себе. Гр-н Бухарин не сумел, это ясно, заслужить доверие Плеханова.

Что касается слова «увивилал», то это ложь, тоже только возможная со стороны тех, которые не знают или не хотят знать, что представлял из себя Плеханов как борец за свои идеи. Он не боялся вступить в самую жестокою рукопашную даже с такими сильными своими врагами, как Владимир Ильич. Всем известно, что, скорее, последний боялся ударов Плеханова и смущался под его полемическими репликами. Это признает даже друг Владимира Ильича Лепешинский, который в своей книге «На повороте» говорит: «Ильич *побаивался* его»⁸. В Лозанне, на известном диспуте по поводу войны⁹, Плеханов выступил совершенно случайно, так как он был приглашен близкими товарищами для собеседования по жгучему вопросу о том, какую позицию должна занять русская социал-демократия в войне. Учтившись вместо небольшого круга друзей и единомышленни-

* Высказывание Н. И. Бухарина в тексте опущено. См. примечание 7. — Ред.

ков перед большой аудиторией, Плеханов пошутил, сказав: «Вместо Маниловки оказалась Заманиловка. Я ждал небольшую группу близких товарищей и вынужден предстать перед большой аудиторией». Эта фраза дала повод гр-ну Бухарину и его друзьям сделать вывод, что Плеханов был застигнут врасплох, что он боялся этого боя. Это сущая неправда. Плеханов искал этого боя и находил его нужным, и надо не иметь никакого понятия о Плеханове, чтоб говорить об «уклонениях», «отвиливаниях» и т. д. Мне достоверно известно, что Георгий Валентинович по приезде из Лондона и Парижа, где нас задержала мобилизация в течение почти 6 недель, собирався объехать всю Швейцарию, чтоб дать бой пораженцам всякой масти. Гр-н Бухарин рисует собрание Лозаннское как победу Владимира Ильича и его друзей, а наши сторонники нарисовали мне картину совершенно противоположную. Они мне говорили о том, что Владимир Ильич на этом собрании волновался, смущался и что никогда удары Плеханова не были так метки, а аргументация так сильна. На чьей стороне правда? Думаю, что ни на одной, ни на другой.

Сошлись два лагеря с заранее установленными убеждениями на разгорающийся всемирный пожар. Каждый лагерь был убежден в своей правоте, каждый из них готов был на все жертвы для торжества того, что он считал необходимым для спасения мира и цивилизации. По заявлениям гр-на Бухарина исторически писать нельзя, выпады его против Плеханова и таких вожаков всемирно-пролетарского движения, как Гед¹⁰, Вайян¹¹ и др., несправедливы, бестактны и грубы. Но оставим гр-на Бухарина. Перейдем к другим курьезам ленинской литературы, появившейся в дни годовщины смерти Ильича и раньше. Я возьму для примера два-три наиболее характерных места из этой литературы. Возьмем Горького. В своей книжке «Владимир Ильич Ленин» он говорит о той разнице, которую проявляли будто бы рабочие делегации на съездах русской социал-демократической партии. Плеханов — «наш барин», а Ленин совсем свой человек, наш, равный¹². Если бы Максим Горький знал, какую роль Плеханов играл на заре нашего рабочего движения, как Плеханов умел подходить к рабочему и к простому люду вообще, какой нежной любовью он пользовался в этой среде в ту эпоху, когда на пропаганду туда шли только редкие одиночки, если бы он это все знал, то, быть может, в его душе заговорила бы справедливость и он бы вместо того, чтоб подхватить и повторить во всеулышание неудачное выражение, с которым к нему обратился рабочий на съезде, разъяснил бы последнему истинную роль, которую играл Плеханов в истории рабочего движения. Может быть, Горький это и сделал, но нам это неизвестно.

Укажем другой пример хулителей Плеханова, на этот раз, по-моему, глубоко комический. Этот комический пример я нашла в статье Н. Мещерякова¹³, помещенной в сборнике о Ленине. Сравнивал Ленина и Плеханова во время их пребывания в Брюсселе, он говорит, что Ленин всецело был поглощен интересами рабочего движения, между тем как Плеханов, «как только кончались революционные собрания, тащил меня осматривать картинные галереи, которых он был большой любитель». Тут же тов. Мещеряков с видимым чувством превосходства прибавляет, что Плеханов, «приехав в Льеж, спрашивал меня о какой-то знаменитой картине какого-то художника. Я не знал ни этой кар-

тины, ни этого художника, хотя жил здесь раньше года четыре. Ленин этим не интересовался. Он был всецело поглощен рабочим движением».

Можно очень пожалеть о том, что Н. Мещеряков, живя в стране Рубенса и Рембрандта*, проявлял полное равнодушие к ее великим художникам. Но это совершенно ложно, что Плеханов не интересовался рабочим движением в Бельгии. Он не только им интересовался, но изучал это движение во всех его проявлениях, с особенной любовью следил за успехами его знаменитых кооперативов, каждый раз, когда являлся в Бельгию, посещал рабочие дома социалистической партии в Брюсселе, Генте, принимал участие в рабочих демонстрациях во время социалистических конгрессов в Брюсселе и конференций Бюро Интернационала. Больше того, он интересовался проявлениями в разных областях хорошо организованной небольшой, но цветущей социал-демократической партии в Бельгии. Я помню, с каким восторгом говорил мне Георгий Валентинович о социалистических школах партии в Генте и об их постановке, радуясь тому, что из этих маленьких бельгийских граждан вырастут сознательно подготовленные борцы за будущее социализма — предвосхищение нашего пионерского движения. Мы с ним вместе были несколько раз в Бельгии, в Брюсселе, но осматривали не только картинные галереи, но [и] посещали кооперативы, [надолго] останавливались и разговаривали со служащими кооперативов и рабочими, которые нам обрисовывали во всех деталях конструкцию и ход их организации, посещали рабочие собрания, знакомились с рабочими и т. д. Слова мои покажутся излишними всякому не подходящему к оценке личности Плеханова, его деятельности объективно, без желания понравиться «начальству». Стыдно, право стыдно, тов. Мещеряков, восстанавливать азбучные истины для того, чтоб юный читатель не принял Вашу характеристику Г. В. Плеханова за истину. Я думаю, что если бы Владимир Ильич был в живых, то он сам бы удивился стараниям своих поклонников и, как человек со здравым смыслом, нашел бы их лишними.

Много еще, подобно приведенным, неудачных характеристик Плеханова. Всех в настоящее время перечислить не собираюсь. Но раньше чем закончить мой маленький обзор, несколько слов о воспоминаниях о Георгии Валентиновиче Плеханове П. Н. Лепешинского в его книге «На повороте» [...]

Начнем с П. Н. Лепешинского. Прежде всего скажу несколько предварительных слов о впечатлении, произведенном на меня и Плеханова от первых встреч с этим товарищем. Мы его считали человеком хорошим, преданным революционером, но малообразованным и совсем не талантливым. И когда в 1902 году жена его Ольга Борисовна приехала к нам в Женеву из Лозанны, чтоб побывать в нашем доме и познакомиться со мной, она обратилась ко мне приблизительно со следующими словами: «Я, Розалия Марковна, хочу сделать для моего мужа то, что Вы сделали для Георгия Валентиновича. Я хочу посвятить свою жизнь ему, снять с него все материальные заботы о семье и дать ему возможность служить народу и революции».

Слова О. Б. были полны искренности и глубокого содержания в том смысле, что истинное товарищеское отношение в

* Так в тексте. Родина Рембрандта — Голландия. — Ред.

семье между мужем и женой (я говорю о революционерах) должно свестись к такому разделению труда между ними, главной целью которого должен быть успех революции. Менее способный на революционную борьбу должен уступить место своему другу или подруге жизни, более закаленной в этой борьбе и более способной к ней. Мне приходилось встречать в своей длинной эмигрантской жизни женщин, которые из ложного самонадеяния считали для себя унизительным заниматься хозяйством, детьми или заработком куска хлеба в то время, когда мужья погружались в агитацию и пропаганду революционных идей. Эти отношения служили причиной размолвок, сцен, тяжело отзывавшихся на обоих главных членах семьи с одной стороны, и революционной деятельности — с другой. Меня также часто возмущала другая альтернатива, то есть привилегированное положение сильного пола. Ничтожный или малоспособный к революционной деятельности муж сваливал работу по содержанию и уходу за семьей на талантливую, пламенную революционерку, которую своей женой, а сам под предлогом пользы для революции тратил свое время и портил революционное дело. Я глубоко понимала слова, с которыми ко мне обратилась Ольга Борисовна. Не скрою, что в момент обращения Ольги Борисовны с вышеприведенными словами меня охватило чувство грусти и внутренним голосом сказал мне: «За тов. Олина* я жизнь свою не отдала бы». Вся эта сценка очень врезалась мне в память.

Тов. Лепешинский так нелепо изобразил мой визит к нему по поводу пресловутой карикатуры¹⁴, что я не могу не позволить себе сказать, каково было наше истинное отношение к нему. Повторяю, мы относились к нему как к честному деятелю на революционном поприще, но очень невысоко ставили его возможности и теоретические способности. Повествование его о моем визите к нему в Женеве по поводу «карикатуры» само по себе носит характер совершенно карикатурный. Я отправилась к нему, не подозревая, что он один из главных героев той деморализации, которая царствовала тогда в социал-демократических кругах женеvской эмиграции. А деморализация была сильная. Ничего подобного никогда не было в нашей среде, а между тем мы прожили до этого времени в ней 25 лет с лишним, пережили бурные моменты в ее жизни, как борьбу народных масс с социал-демократами, запальчивые схватки между социал-демократами и поклонниками Михайловского, борьбу внутри социал-демократии (между рабочедельцами и искровцами). Но ни с чем нельзя было сравнить эту жизнь склоки, клеветы на лучших представителей революционного движения. Эту компанию, как я узнала впоследствии, возглавлял т. Олин и его ближайшие друзья. Поглоченная своей медицинской работой, я не знала в деталях всю эту жизнь. Ко мне приходили часто знакомые и друзья с упреками: «Вы слишком мягки, Розалия Марковна, вы заботитесь о таком-то и такой-то, лечите их, устраиваете их детей, а они позволяют себе распускать клеветы на Георгия Валентиновича, на вас и даже на ваших дочерей. Охота вам возиться с этими людьми — они не стоят этого». На эти упреки я руководствовалась своей глубокой симпатией к братьям на поприще общего дорогого нам дела борьбы с деспотизмом и борьбы за социалистические идеалы. Главное

* Олин — партийный псевдоним П. Н. Лепешинского. — Ред.

значение для меня имела нужда заброшенных на чужбину товарищей. Я старалась стать выше сплетен, пересудов, предметом которых была моя семья. В своих услугах я отдавала предпочтение тем, которые более всего в них нуждались. Пошла я к Лепешинскому после того, как один наш близкий друг и крупный человек в нашем социал-демократическом движении (проживающий ныне в Советской России, которой он очень полезен своей высокой талантливостью) явился ко мне с просьбой сделать что-нибудь, чтоб остановить никогда не бывавшую распушенность в нашей женеvской политической эмиграции. Кроме пресловутой карикатуры, которые приобрели историческую известность, к сожалению, совершенно незаслуженную, была кампания с анонимными письмами, грубость авторов которых доходила до крайности. Направляясь к Лепешинскому, единственному видному товарищу новой эмиграции, состоявшей, главным образом, из подростков и молодых людей, мне казалось, задорных, неразумных, я надеялась на его облагораживающее влияние на эту эмиграцию. Не ради Плеханова я отправилась к нему. Плеханов стоял слишком высоко, чтоб его коснулись клеветнические выпады и неумные насмешки эмигрантской недоросли. Келишне прибавить: таких слов, что Плеханов — дворянин, не было мною произнесено. Это место в воспоминаниях П. Н. Лепешинского — продукт фантазии*. Таким же продуктом его фантазии являются приписываемые моей дочери слова упрека по отношению ко мне. Она, наоборот, вполне сочувствовала мне и глубоко возмущалась правами молодой русской эмиграции. Стараясь меня успокоить, она сказала: «Охота тебе, мама, обращать внимание на неприличные выходки русской колонии. Ты 25 лет с ними возишься, немало страдала в течение этих лет от проявления неблагодарности и бестактности, а [...] все строишь себе иллюзии на их счет. Что касается папы, он слишком высоко стоит для того, чтоб злые выдумки, нападки этих эмигрантских «воюж» (уличные мальчишки) достигали до него. Поступай, как папа, — не обращай на них внимания». Я не помню точных слов, произнесенных моей дочерью, за давностью времени, но смысл был именно такой.

Гр-н Лепешинский горд своими успехами, его карикатуры, выполненные несомненно талантливо, но отличающиеся грубостью и безвкусицей, имели успех. Они печатаются в революционных изданиях, висят в музеях, но это говорит только за то, что в известные исторические эпохи, когда выступает на сцену глубокий слой народа, вместе с черноземом и солью земли выступает болото и муть. Пресловутую карикатуру надо рассматривать не как положительное явление революционного времени, а как совершенно отрицательное.

Есть еще одно место в воспоминаниях гр-на Лепешинского,

* Элемент фантазии в воспоминаниях П. Н. Лепешинского заметила также, подчеркнула также Н. К. Крупская в своей статье, посвященной группе «Освобождение труда» в «Красной Нови»¹⁵. «Читатель помнит, что говорит Лепешинский в своих воспоминаниях об отношениях Ленина и Плеханова. «Ленин побаивался Плеханова, но при этом говорил: «Я чувствую, что я живой человек, а Плеханов конченый человек»¹⁶. Эти слова совершенно справедливо отрицает Надежда Константиновна. Она говорит, что таких слов Ленин сказать не мог. И я думаю, поскольку я знаю Владимира Ильича, он сказать этого не мог.

В 1905 и 1906 годах Плеханов был тверд и силен как боец и как теоретик. (Прим. авт.)

на которое я хочу обратить внимание читателя. Гр-н Лепешинский находит чисто дворянскую черту в той любви, которую Георгий Валентинович Плеханов проявлял к своей родине и даже видит проявление «тамбовского дворянина» в том, как он выражается, жалком периоде его жизни, когда Плеханов сделался, по милему выражению автора замечательных воспоминаний, «ура-патристом». По его мнению, его [Плеханова. — Ред.] симпатии к студенческим кружкам, куда он охотно приходил, когда его звали, чтоб развивать свои социалистические и философские взгляды, тоже внушены были ему тоской по родине, в конечном счете, качествами тамбовского дворянина. Но как же объяснить, что Плеханов с первых [лет] — своей эмиграции, с 1880 года до 1905-го (период, который описывает Лепешинский), все время занимался распространением своих взглядов в студенческих и рабочих кружках и не гнушался тем, что он, созданный для крупной агитации и крупной пропаганды, выступает в маленьких группах учащейся и рабочей молодежи за границей. Тоже дворянским происхождением? Это нелепое заключение можно сделать из вышеприведенных слов. Не тоска по родине руководила Плехановым в этих случаях, а убеждение, что слово истины нужно нести и к отдельным лицам, к маленьким кружкам, к маленьким группам, если эпоха не выдвинула еще массовой аудитории, и что эта деятельность заслуживает такого же внимания серьезного революционного борца, как выступление перед великими аудиториями Интернационала. [Не сентиментализм толкал Плеханова на пропаганду в тогда еще серую студенческую среду]*.

Благодаря маленьким студенческим кружкам, еще не сформировавшимся, еще совсем серым, в начале 80-х годов группа «Освобождение труда» распространяла свои щупальца во все закоулки России. Как же это понять? [В группе был только один дворянин — Плеханов и одна дворянка — Засулич, что касается других членов — они были евреями-разночинцами]**. Тоже дворянским происхождением главы этой группы Георгия Валентиновича Плеханова? Нет, попытка гр-на Лепешинского обосновать психологическую базу деятельности и «падения» Плеханова, признаться, весьма неудачна. Откуда взял гр-н Лепешинский, что любовь к родине, тоска по ней свойственны только дворянству? Это значит оказать слишком много чести этому исчезнувшему из русской жизни сословию. Гр-н Лепешинский думает, что ни крестьяне, ни рабочие не страдают тоской по родине? Это неверно. Не раз в течение своей многолетней врачебной деятельности в эмиграции за границей пришлось лечить и видеть гибель людей из рабочей и крестьянской среды, выброшенных революционной волной за борт родины. Их заедала именно тоска по родине.

Я уверена, что даже гр-н Лепешинский стоит выше своей психологической теории и, несмотря на то что он гордится своим интернационализмом и свысока смотрит на Плеханова, у него имеется чувство любви к родине, к ее природе и т. д. Иначе и быть не может. Он не решается только в этом признаться, боясь общественного мнения, то есть коммунистической Марьи Алексеевны.

Любовь к родине отнюдь не исключает ни любви к челове-

* В оригинале зачеркнуто Р. М. Плехановой. — Подг.

** В оригинале зачеркнуто Р. М. Плехановой. — Подг.

честву, ни преданности интересам трудящихся масс, то есть Интернационалу. Плеханов был интернационалистом в самом благородном смысле этого слова, без юродства. Он носил знамя Интернационала и знамя русского пролетариата как части его так высоко, так гордо, что лепет гр-н лепешинских является детским лепетом.

Каждый имеет право говорить, что ему вздумается и, между прочим, об «ошибочной» позиции Георгия Валентиновича в мировой войне. Но что ясно для всех, сознание которых не затемнено фракционными предрассудками, это то, что, становясь на защиту раздавленной маленькой героической Бельгии и смертельно угрожаемой [находящейся под смертельной угрозой. — Ред.] Франции, Франции [родине] Великой Революции, он указал своему народу на его революционную и интернациональную задачу. Проповедуя решительный отпор гегемонии Гогенцоллерны, он имел в виду единственно интересы Интернационала и спасение будущего русского пролетариата. Если бы Гогенцоллерны победили, русскому экономическому развитию, следовательно, и развитию пролетариата, был бы нанесен трудно поправимый удар.

Первой его мыслью по приезде во Францию было увидаться с Гедом, чтобы общими силами выработать шаги с целью остановить всемирное бедствие, которое Плеханов предвидел более трезвым взором, чем кто-нибудь другой. Но было уже поздно. Германские полчища, быстрым натиском раздавив Бельгию, стояли у ворот Франции. Гед, который стал в ряды организаторов спасения Франции, объяснил Плеханову, что малейшее колебание французского рабочего класса в этот момент повлечет неизбежно гибель его страны. Раньше, чем пошевельится Интернационал, германские войска будут в сердце Франции. Погибель Франции и гибель Бельгии равнялись, по глубокому убеждению Плеханова, как известно, торжеству реакции империализма в их худшем виде. Победа германских касок была бы и смертью для Интернационала или, во всяком случае, парализовала бы его силы на долгое время. Плеханов знал и писал, что Романовым наступит конец в результате этой войны и что революционный русский народ возьмет в свои руки защиту раздавленных народов и интересы пролетариата всего мира. Плеханов-«патриот» защищал интересы Интернационала своей позицией в мировой войне так же стойко, так же храбро, как прежде в эпоху дружной работы народов всего мира во Втором Интернационале.

Тому, что Плеханов изменил Интернационалу, не верил и Владимир Ильич Ленин, как мы видим из воспоминаний об отношениях последнего к Плеханову тов. [...] ¹⁷

Таким, и только таким образом поняли позицию Плеханова деятели Второго и Венского Интернационала и многие, многие коммунисты, за исключением лепешинских и им подобных.

Коснусь еще слегка жалобных слов гр-на Лепешинского относительно запущенной будто бы могилы Плеханова. Как и повсюду в своих воспоминаниях, в тех местах, где он говорит о последнем, он здесь проявляет свойственную ему бестактность. Он говорит, будто могила украшается только одним «жалким венком от любящих Розы, Жени и Мани» ¹⁸. Эти жалобные сло-

* Гр-н Лепешинский не преминул и здесь проявить свой карикатурный талант. Имя Маня, ему казалось, должно быть, сентиментальнее имени Лиды ¹⁸. (Прим. авт.)

ва не соответствуют действительности. За гробом Плеханова шли толпы. Главный контингент были рабочие и разный простой люд, и это после «убедительного совета» рабочим Петрограда официальными газетами вроде «Правды» и др. на похороны Плеханова не ходить. Венков, знамен и плакатов с выражением чувств народной массы было много, но их было бы в десять раз больше, если бы не вышеприведенные «советы» с одной стороны, и Мирбах¹⁹ с другой. Что касается памятника, то мы, близкие, поклонники и ученики Плеханова, надеялись, что со временем весь русский народ воздвигнет достойный памятник борцу за народную правду и основоположнику марксизма на родине. Мне лично, признаться, было бы очень тяжело на душе, если бы я была уверена, что памятником на могиле Плеханова я обязана неудачной лирике гр-на Лепешинского.

РНБ. АДП, ф. 1094, д. 42.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Г. В. Плеханов в это время находился в больнице Французского Красного Креста св. Марии Магдалины в Петрограде. (См. об этом: Плеханова Р. М. Год на Родине. — Диалог, 1991, № 10, с. 85—87).

² Распавшийся после начала первой мировой войны II Интернационал предпринимал неоднократные попытки к объединению еще в ходе войны, однако все они были безуспешны. В феврале 1919 г. часть его представителей, собравшись в Берне, провела конгресс и объявила о воссоздании Интернационала. Но его членами стали не все европейские партии. Не присутствовавшие на Бернском конгрессе партии и их отдельные группы в феврале 1921 г. провели свой съезд в Вене и также объявили о создании еще одного, 2½ Интернационала. После ряда предварительных встреч, конференций оба крыла собрались в мае 1923 г. в Гамбурге, чтобы объединиться в Социалистический Интернационал.

³ Гамбургский конгресс сыграл большую роль в укреплении международной социал-демократии, определил тактические задачи рабочего класса в условиях кризиса мирового хозяйства, явившегося следствием мировой войны. Конгресс принял ряд важных документов. В «Общей резолюции» о борьбе с империализмом отмечалось, что мирные договоры, заключенные после войны, стали насильем над законами экономической жизни, а потому лишь продлили и обострили кризис, затруднили восстановление разрушенного хозяйства, не остановили гонку вооружений. В «Резолюции» указывалось на необходимость для пролетариата противопоставить политике империализма политику мира, свободы народов и социализма.

Потребовав очищения Грузии от советских войск, осудив продолжающееся применение Советским правительством террористических методов и устранение им основных демократических свобод, видя в этом опасность для насущнейших интересов международного пролетариата, конгресс тем не менее призвал пролетариат западных стран «оказать сопротивление всякой форме интервенции господствующих классов по отношению к России» (Заря, № 6—7, 1923, с. 159—165; 186—198).

⁴ Вольно-экономическое общество, созданное в Санкт-Петербурге в 1765 г., являлось одним из старейших в Европе научно-экономических обществ. Поставив перед собой достаточно узкую задачу — «распространение в государстве полезных для земледелия и промышленности сведений», — ВЭО в своей деятельности вышло далеко за рамки определенной для себя цели. Очень скоро оно превратилось в один из крупнейших, если не сказать самый крупный, научный и культурно-просветительский центр России.

В 1918 г. ВЭО по решению Наркомпроса было упразднено. Его богатейшая библиотека была передана и хранится в Российской Национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург).

⁵ Р. М. Плеханова цитирует (в собственном переводе) письмо Луизы Каутской, хранящееся в Архиве Дома Плеханова (ф. 1094, оп. 2, д. 292, В. 52.71, л. 2 об.).

⁶ Циммервальдистами Р. М. Плеханова называет участников и сторонников резолюций, принятых на международных конференциях социалистов в Циммервальде и Кинтале (сентябрь 1915, апрель 1916). Социалисты представляли части социал-демократических партий различной политической ориентации Германии, Франции, Италии, Болгарии, России, Румынии, Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии и Польши, которые считали виновниками мировой войны правительства всех стран, втянутых в военные действия. Такое определение «соборной виновности», без учета конкретных виновников развязанной агрессии, отразилось в Манифесте, выработанном в Циммервальде. Авторы Манифеста призывали народы к всеобщему братству, необходимости заключения мира без аннексий и контрибуций, требовали предоставления нациям права на самоопределение. Вместе с тем Манифест не указывал, каким путем в условиях войны этого можно было достичь.

Отказ участников обеих конференций от принципов конкретного исторического анализа причин возникновения первой мировой войны препятствовал идейному объединению социалистов, и уже в Циммервальде произошло их размежевание. Из 38 участников ряд социалистов во главе с В. И. Лениным образовал «циммервальдскую левую». Резолюция левого крыла в противовес принятому Манифесту указала путь решения конфликта — необходимость братания солдат на фронте и превращение войны империалистической в гражданскую с целью установления нового социального порядка.

⁷ Н. И. Бухарин писал: «Невольно сравнивал его, Старика [В. И. Ленина. — Публ.], с Плехановым: гордая поза, по-наполеоновски сложенные руки, театральные повороты головы, нарочитые жесты, блестящие остроты и «пафос расстояния»: ты, сударь, не мог подходить ближе чем на километр! Демократ, якобинец, коммунист. Либеральный барин, хотя и блестящий «основоположник русского марксизма», «надменное чело». Нет, Плеханов не мог быть вождем пролетарской улицы...» (Бухарин Н. И. Памяти Ильича. — Воспоминания о В. И. Ленине. В 10-ти т. Т. 3, М., 1989, с. 328).

⁸ Лепешинский П. Н. (1868—1944) — социал-демократ, большевик. После организации Истпарта — его сотрудник. (См. его книгу «На повороте», Пг., 1922, с. 170).

⁹ Р. М. Плеханова имеет в виду реферат о войне, с которым Плеханов выступил 11 октября 1914 г. в Лозанне. Плеханов,

указывая на империалистический характер войны, доказывал необходимость вскрыть причины, по которым она началась, и, самое главное, ответить на вопрос о том, что побудило германскую социал-демократическую партию поддержать правительство и голосовать за военные кредиты, а германский пролетариат пойти с оружием в руках против братьев по классу. Он отметил, что попранные немецким пролетариатом законы нравственности и права должны быть восстановлены. Для каждой страны, подвергшейся агрессии, сопротивление агрессору и самооборона должны стать общенациональной задачей, а для народов мира — общечеловеческой. Германия, указывал Плеханов, стремясь к экономическому господству, несла реальную угрозу всем народам мира (См. Наш голос, № 31—32, 20 октября 1914 г.).

¹⁰ Гед Жюль (1845—1922) — видный деятель французской и международной социал-демократии. В годы первой мировой войны возглавил ту часть Французской социалистической партии, которая считала необходимым объединение всех национальных сил для организации отпора германской агрессии.

¹¹ Вайян Эдуард (1840—1915) — деятель французского социалистического движения.

¹² См. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. М., 1989, с. 226.

¹³ Мещеряков Н. Л. (1865—1942), социал-демократ, представитель газеты «Искра» в Москве. После II съезда партии — большевик.

¹⁴ Р. М. Плеханова имеет в виду карикатуру «Как мыши кота хоронили», выполненную П. Н. Лепешинским и изданную в Женеве в 1903 г. На рисунке изображены побежденные котом (В. И. Ленин) мыши-меньшевики и крыса (Г. В. Плеханов). — РНБ. АДП, ф. 1094, оп. 1. д. 889.

¹⁵ Р. М. Плеханова допустила неточность. Эти воспоминания Н. К. Крупской были опубликованы в газете «Правда» от 11 апреля 1924 г.

¹⁶ В рукописном варианте есть приписка рукой Р. М. Плехановой: «Привести точную цитату». Эта цитата была приведена в приложении ко второму изданию книги П. Н. Лепешинского «На повороте», озаглавленном «Действительно ли неправдоподобно?». В нем Лепешинский цитирует слова Н. К. Крупской: «В воспоминаниях П. Н. Лепешинского есть одно совершенно неправдоподобное место. Лепешинский рассказывает, как однажды В. И. сказал ему: «Плеханов умер, а вот я, я жив». Этого не могло быть. Был, вероятно, какой-нибудь другой оттенок, которого П. Н. не уловил. Никогда В. И. не противопоставлял себя Плеханову» (Лепешинский П. Н. На повороте. 2-е изд. Л., 1925, с. 241).

¹⁷ Абзац не закончен. Не ясно, о чьих воспоминаниях должна была идти речь.

¹⁸ П. Н. Лепешинский имел в виду жену Г. В. Плеханова и их дочерей — Евгению Георгиевну Бато-Плеханову и Лидию Георгиевну Ле-Савуре-Плеханову.

¹⁹ Мирбах Вильгельм (1871—1918) — германский дипломат. С апреля 1918 года посол в Москве. Убит левым эсером Я. Г. Влюмкиным. Р. М. Плеханова ошиблась во времени, связав, по-видимому, похороны Г. В. Плеханова с левозсеровским мятежом — Плеханова провожали в последний путь 9 июня, а убийство Мирбаха произошло 6 июля.